

Giulia Baselica¹
Dipartimento di Lingue e letterature straniere e culture moderne
Università degli Studi di Torino, Italia

ОБРАЗ СЕРБА В ЛЕРМОНТОВСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ. ВУЛИЧ ИЛИ ГЕРОЙ-ФАТАЛИСТ

В данной статье рассматривается образ первого сербского завершённого персонажа в русской литературе. В заключительной главе (и самостоятельной новелле) лермонтовского романа *Герой нашего времени*, опубликованной в 1839ом году, появляется загадочный герой: он поручик сербской национальности и служит на Кавказе в русской армии. Его зовут просто Вулич. Он молчаливый, одинокий и имеет единственную страсть: игру в карты. Он верит в предопределение и одновременно постоянно бросает вызов на свою судьбу. Анализ поведения и изъявлений сербского поручика открывает его сложное семантическое расположение: Вулич является олицетворением романтического героя и символизирует русское восприятие о сербском культурном мире в первой половине XIX века.

Ключевые слова: серб, русская литература, Лермонтов

1. Представление о сербской культуре в русской литературе XIX века

В русской литературе представление о сербской натуре впервые появилось в произведениях Александра Вельтмана (Беляева 1984): сербская тема в 1833^{ем} году приобрела вид Ивы Олельковича, главного героя романа *Кощей бессмертный*, основанного на смешанных с фантастическими элементами исторических событиях XII-XIV веков. Этого персонажа можно считать настоящим прототипом Вулича, главного героя заключительной главы романа *Герой нашего времени* Михаила Лермонтова.

*Фаталист*² – название последней главы лермонтовского романа, опубликованной в 1839ом году в ноябрьском выпуске журнала *Оте-*

1 giulia.baselica@unito.it

2 События рассказываются главным героем романа, Печориным. Он находится в казачьей станице, где присутствуют русские офицеры. Однажды вечером зашёл спор о мусульманском поверье о предопределении, и во время спора подошёл к столу незнакомый, молчаливый сербский поручик, которого зовут Вулич. Он предлагает испробовать на себе, может ли человек распоряжаться жизнью по своей воле, или человек подвластен року. Надо ещё добавить, что у сербского поручика единственная страсть: страсть к игре. Печорин предлагает пари, а Вулич его держит. Серб берёт со стены пистолет и стреляет себе в лоб, но пистолет даёт осечку и он выигрывает спор. Потом Вулич снова прицеливается и стреляет в висящую над окном

чественные записки; а интересно отметить, что в этом самом году, в июльском выпуске журнала *Сын отечества* появилась новая вельтманская повесть, *Радой*, характеризованная присутствием сербского действующего лица, участника движения этеристов. Виссарион Белинский, несмотря на суровое суждение о повести, которое он выразил, оценил сербское лицо и его мощную выразительность. Великий критик остановился на внешней черте поведения этого персонажа (Белинский 1979); а в своей длинной статье о романе *Герой нашего времени* он обратил внимание на внутренний мир серба, с точки наблюдения самого героя нашего времени: так Вулич показывает что-то странное и таинственное (Белинский 1988).

2. Вулич или Фаталист: романтический герой

Вулич, или Фаталист, является первым совершенным сербским персонажем в русской литературе и, кроме того, он имеет романтические коннотации: русское литературное восприятие сербской культуры относится к романтическому мировоззрению по разным тематическим уровням. Фамилия является важным денотативным элементом персонажа и идентифицирует его культурную принадлежность. Его называют по фамилии: имени у него нет. Распространенная сербская фамилия Вулич³ напоминает образ „дикого человека“, „человек-волк“ (Мароши 2012), который живёт в горах и там борется за своё выживание и свою свободу, в то же время подсказывая прямую связь с фольклорным достоянием сербского народа.⁴ Этот офицер, с одной стороны, представляет собой чисто романтическое превознесение „я“: Вулич имеет смущающий и привлекательный характер: „Он был храбр, говорил мало, но резко; никому не поверял своих душевных и семейных тайн“ (Лермонтов 1990: 581), обнаруживающийся резкими и жгучими чертами лица: „Наружность поручика Вулича отвечала вполне его характеру. Высокий рост и смуглый цвет лица, черные волосы, черные проницательные

фуражку, а в этот раз пистолет оказывается заряженным. Печорин проигрывает пари и все расходится. Перед зарёй Печорин разбужен стуком в окно: три офицера ему рассказывают, как ночью Вулича убил пьяный казак. Главный герой участвует в поимке убийцы и сам чудом, или по закону предопределения, избегает смерти. Это трагическое приключение кончается возвращением Печорина на крепость.

3 В рукописи лермонтовской новеллы появляется вариант „Вуич“: это фамилия знакомого поэта, поручика лейб-гвардии Конного полка Ивана Васильевича Вуича (Лермонтов 1990). Кроме того, в 1842ом г. в страницах журнала *Литературная газета* было опубликовано стихотворение *На смерть М.Ю.Лермонтова* (1842, вып.17). Под стихами появилась подпись Н.Вуич (Крутова 2014).

4 Надо упомянуть существенную роль пушкинского произведения *Песни западных славян* в возникновении интереса к сербскому народному творчеству в русской и в европейской литературе. Песни были сочинены Пушкиным в 1834-1834 гг, исходя из его реакции на мистификацию Мериме в собрании балканских народных песен *La Gusla*, опубликованном в 1827ом г., и на основе его восприятия первого тома собрания *Српске народне пјесме*, набранные Вуком Караджичем в 1824ом г. (Афанасьева 2011).

глаза, большой, но правильный нос, принадлежность его нации, печальная и холодная улыбка, вечно блуждавшая на губах его, – все это будто согласовалось для того, чтобы придать ему вид существа особенного” (Лермонтов 1990: 581). С другой стороны, он символизирует стремление к освобождению от угнетателей из других культур и религиозных верований: сербы не только долго воевали против оттоманского ига, они также присоединились к русским военным подразделениям на Кавказе, чтобы бороться с мятежниками из гор.⁵ Здесь литературный представитель сербского народа также напоминает противопоставление между Западом и Востоком, Севером и Югом (Лотман 1985). Вулич является выходцем из южной страны, по сравнению с которой Россия относится к особой и новой, то есть северной, типологической модели, вызванной тогдашними размышлениями о характерной исторической судьбе Российской культуры (Лотман 1985).⁶ Тем не менее в последних плодах своего творчества, Лермонтов показал явный интерес к восточному мировоззрению, ему приписывающий черту фатализма. В сказке *Ашик-Кериб: Турецкая сказка*, написанной им в 1837 г., один из действующих лиц, Ашик-Кериб, произносит многозначительные слова: „Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует” (Лермонтов 1990: 453).⁷ Это разоблачение интересно по двум причинам: с одной стороны оно выражает веру в предопределение, как психологическую черту восточной культуры; с другой стороны, сама эта вера освобождает человека от всяких требований свободы воли. Интересно заметить, что именно у Вулича на лице виден отпечаток предстоящей смерти, как замечает Печорин, главный герой романа: „но, несмотря на его хладнокровие, мне казалось, я читал печать смерти на бледном лице его” (Лермонтов 1990: 583).⁸ Таким образом Вулич, представитель

- 5 В русской литературе и культуре рождаются параллельно сербский текст и кавказский текст (Мароши 2012).
- 6 Некоторым чертам балканской культуры Лермонтов уделял внимание не раз: на создание стихотворения *Война*, сочинённое в 1829⁰⁰ г., вдохновила война с Турцией (1828-1829), (Лермонтов 2014а). Здесь можно выделить связь между упоминанием о войне на балканском фронте („Заглась, друзья мои, война;”) со стремлением к свободе и, одновременно, к вечной славе („И полечу, свободный, вновь/ловить венки небренной славы!”). Окружение балканского пейзажа тесно связано с ценностями свободы и славы. В поэме *Корсар*, напоминающей байронские поэмы *The Corsair* (1814) и *The Prisoner of Chillon* (1816), и посвящённой мотиву „благородного разбойника” и греческой теме (Лермонтов 2014б), мы встречаем образ балканских гор „Уже с Валканския вершины/Открылись Греции долины”.
- 7 В самом начале *Фаталиста*, словами Печорина, Лермонтов излагает восточное понятие предопределения: „Рассуждали о том, что мусульманское поверье, будто судьба человека написана на небесах, находит и между нами, христианами, многих поклонников; каждый рассказывал разные необыкновенные случаи pro или contra”. (Лермонтов 1990: 580).
- 8 Это трагическое предчувствие связывается с окончательным так же трагическим установлением Печорина, слушавшего рассказ от офицеров об обстоятельствах смерти Вулича: „я предсказал невольно бедному его судьбу; мой инстинкт не обманул меня: я точно прочел на его изменившемся лице печать близкой кончины” (Лермонтов 1990: 587).

сербской культуры, воплощает одновременно и южную культуру и восточную, устанавливая безмолвный и сильный диалог с северной и западной – или, точнее, с российской послепетровской культурой – символизированной главным героем, Печориным: „он спокойным и неподвижным взором встретил мой испытующий взгляд, и бледные губы его улыбнулись” (Лермонтов 1990: 583). Однако, на более поверхностном уровне отношение между двумя персонажами, и следовательно, между двумя культурами, выражается провокационным вопросом со стороны южной (или восточной) цивилизации и лёгкой недоверчивостью и боязливой растерянностью со стороны северной (или российской послепетровской) цивилизации.⁹ Кроме того, с точки зрения российской культуры Юг и Восток, по одной из тематических направлений романтической струи, представляют собой культурное осуществление стремления к экзотизму: следовательно, в образе Вулича ещё более укореняется его принадлежность к литературной романтической типологии. Мотив предопределения – один из коннотативных аспектов романтической восприимчивости. В этой новелле он олицетворяет особого героя, фатального для самого себя, указывая изменение парадигмы романтического и байронического героя: Вулич вампиризирует себя, не по своему личному намерению, а по жестоко неразумному, но неизбежному закону предопределения. Этот сложный, многообразный персонаж сербской национальности тем не менее не принимает свою судьбу инертным поведением. В самый последний момент до своей кончины он фактически осмеливается бросить вызов смерти, таким образом определяя обстоятельство рокового действия. Его крайний мятежный поступок совершается вопросом пьяному казаку, которого он встречает по дороге: „Кого ты, братец, ищешь?” (Лермонтов 1990: 586). Вулич решительно показывает своё мужественное отношение к жизни, задавая совсем ненужный и притом роковой вопрос:¹⁰ „пьяный казак „может быть, прошел бы мимо, не заметив его, если б Вулич, вдруг остановясь, не сказал [...]” (Лермонтов 1990: 586). Итак сербский поручик оказывается носителем, в романтическом смысле, и титанического, героического подхода к жизни, но не только в данном смертельном обстоятельстве, а также в его склонности к одной единственной страсти: он игрок. Он постоянно проигрывает, а постоянно бросает вызов судьбе, не смиряясь со своей участью. Он вечно пытается найти счастье, несмотря на неизменный сценарий переданный ему самой судьбой. Второстепенным, но

9 Это показывает диалог между Вуличем и Печориным: „– А что? Вы начали верить предопределению?

– Верю; только не понимаю теперь, отчего мне казалось, будто вы непременно должны нынче умереть” (Лермонтов 1990: 584).

10 Интересно обратить внимание на глагол „искать” употребленный Вуличем, как будто он сам спросил себя, чего или кого он ищет. Он – спрашивающее существо, но ответов нигде и ни у кого не находит. Он отличается от окружающего человечества из-за черт личности и поведения. Он трагично уступает злу, передавая сотоварищам своё наследие нерешенных вопросов.

немаловажным мотивом является в рассказе отождествление зла с пьяным казаком, изрубившим свинью и наскочившим на Вулича. Элемент “свинья” обнаруживает принадлежность казака демонической силе (Влащенко 2014), а связь между казаками и дьяволом часто тематизирована в русской литературе XIX века.¹¹

Образ серба в лермонтовском романе *Герой нашего времени* оказывается одновременно собеседником и альтер-эго самого Печорина и, в более обширном контексте, он представляет собой культурный диалог между Россией и Сербией в первой половине девятнадцатого века.

3. Балканская тема и мотив «вершины» в лермонтовском творчестве

Интересно отметить, что в лермонтовском творчестве, как в стихотворных, так и в прозаических и драматических произведениях отсутствует сербский мотив. Слово „серб”, а также всякое прямое упоминание о сербской культуре или об отношениях между Россией и Сербией, по видимости, не является источником творческого вдохновения в лермонтовском мировоззрении. Напротив, образ серба оказывается табуированным понятием:¹² так, сербский персонаж единственный раз появляется в заключительной главе романа *Герой нашего времени*,¹³ одновременно оно символизирует преждевременное завершение творческого пути самого автора. Тем не менее в культурной прототекстовой среде этого произведения, то есть в авторском восприятии окружающего мира, преобразованном поэтической совестью, – обнаруживаются некоторые важные признаки неявного внимания к сербскому вопросу.

В стихотворении *Война*, сочинённом Лермонтовым в 1829 году, упоминаются сражения в Балканах, во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Стихи охарактеризованы темой единства и славы, ценности

11 Вспомним, например, рассказы *Киевские ведьмы* (1833) О.Сомова; *Нежданые гости* (1834) М.Загоскина; *Вий* (1835) Н.Гоголя.

12 Наверное, стоит остановиться, хотя бы очень поверхностно, на некоторых общих соображениях. В первой половине XIX^{ого} века в русской культуре существовало два противоположных суждения в отношении сербской культуры. С одной стороны некоторые журналы в том числе и *Вестник Европы*, особенно с 1804 до 1813 гг. публиковали отчёты и сообщения о ситуации на Балканах, перепечатанные из западно-европейских изданий: там прославлялись стремление к свободе сербского народа, особые боевые способности сербский народ представляется естественным и одновременно превосходным союзником русской армии в борьбе против Блистательной Порты, вследствие общей религиозной принадлежности. Совсем другим тоном выражались авторы дипломатических сообщений: они, в сущности, подчёркивали состояние подчинения сербского народа и его последовательное непросвещение. Во второй половине XIX века в восприятии сербской культуры преобладает славянофильское направление, несущее в себе её идеализацию сербской культуры (Кастяшов 2015).

13 События повести *Файалист* в хронологическом порядке следуют за событиями описанными в новеллах *Тамань*, *Княжна Мери* и, вероятно, *Бэла*. Автор решил изменить порядок повестей, и *Файалист* представляет последнее воиское слово самого рассказчика.

честь, стремления к свободе „Зажглась, друзья мои, война; [...] И полечу, свободный, вновь/Ловить венки небренной славы”(Лермонтов 2014а). Там война, „Трубой заветною [...] / Манит в поля кровавой мести!”¹⁴ косвенно напоминая о неофициальном, но своевременном участии сербских добровольческих войск в конфликте между Российской империей с союзными странами и Османской империей.

К некоторым чертам балканской культуры Лермонтов уделял внимание не раз: кроме стихотворения *Война*, в поэме *Корсар* (1828), и посвящённой мотиву благородному разбойнику и греческой теме напоминающей нам обайронских поэм *The Corsair* (1814) и *The Prisoner of Chillon* (1816), мы встречаем образ балканских гор: „Уже с Балканския вершины/Открылись Греции долины”(Лермонтов 2014б).¹⁵ Образ балканских горных вершин напоминает о лермонтовском кавказском пейзаже и о привязанности поэта к этим чарующим ландшафтам. В стихотворении *Кавказ*, сочинённом в 1830 году, горный пейзаж олицетворяет мать поэта: „за это люблю я вершины тек скал”(Лермонтов 2014а); в другом стихотворении, *1831 июня 11 дня*, которое Лермонтов сочинил годом позже, изображение высоты и горных вершин приобретает абсолютный, универсальный смысл. Только на вершине, только на высоте в конце дня можно любоваться чередованием света и тени, увидеть различие между западом и востоком, оценить высшую красоту света и тени, запада и востока: „Кто посещал вершины диких гор/В тот свежий час, когда садится день,/ На западе светило видит взор/ И на востоке близкой ночи тень,/Внизу туман, уступы и кусты,/Кругом всё горы чудной высоты”(Лермонтов 2014а). В конечном итоге, горные вершины служат посредниками между небом и землёй и высота приближает человека к небесам, к метафизическому спасению от земных страданий: „и молний обвивает луч/Вершины скал; ничто не вредно им./Кто близ небес, тот не сражен земным”(Лермонтов 2014а).

Имеет значительную ценность мотив „вершины” в единственном прямом упоминании о балканской культуре, так как такой мотив, связывающийся с темой Кавказа, занимает важнейшее место в лермонтовском литературном мире¹⁶ и соединяет кавказский текст с балканским текстом в русской литературе девятнадцатого века.

Несомненно, что мотив „вершины”, также, характеризует роман *Герой нашего времени*. Мы его находим в первой повести, в *Бэле*. Горная вершина там покрыта снежными пятнами, или же она чаще связывается с черным цветом, с возможным зловещим значением: её закрывают

14 Там же.

15 В этих стихах снова появляется намёк на мотив „рока” и „предопределения”, со смиренным принятием потери „Но как спастися нам от Рока! -/Я здесь нашёл, здесь погубил/Почти всё то, что я любил”.

16 В лермонтовском стихотворном творчестве часто встречается мотив „вершины” часто встречается. Кроме вышеупомянутых стихотворных произведений, следует упомянуть: *Тебе, Кавказ, суровый царь земли* (1837) и *Из Гёте* (1840) а также поэмы *Кавказский пленник* (1828), *Олеж* (1929) и *Аул Басшунджи* (1832-1834).

черные тучи, или возвышается над ней черный крест. На вершине отдыхает коршун, ожидая добычи. В повести *Максим Максимыч* вершины холодны, а в *Княжне Мери* мы встречаем заснеженные вершины, вершины окутаны зловещими облаками или чёрными холодными тучами, видим темные вершины, из-за которых поднимается луна. Там же мы видим зеленые вершины, освещенные светом солнца, и ледяные вершины. Кроме того, интересно заметить, что в повести *Фаталист* образ вершины не появляется ни разу; там нет ни гор, ни высот. Вулич, главный герой сербского происхождения, не имеет ни имени, ни точной биографии, ни ландшафтной среды: его короткая история разворачивается в закрытом месте, а когда же, он ночью выйдет из казармы, в небезопасной станице его встретит смерть. Итак, отсутствие конкретного кавказского пейзажа подчёркивает уникальность личности и рокового решения этого персонажа, выделяющегося на одноцветном фоне его несчастливой и кажущегося антигеройским существования. Вулича окружает ореол странности и внеместности. Он из неизвестной страны, известно лишь его происхождение: „он был родом серб” (Лермонтов 1990: 581). Он выходит в центр сцены из угла комнаты из символического неизвестного места, попадая в центр внимания остальных персонажей, делая медленные, неторопливые движения: „В это время один офицер, сидевший в углу комнаты, встал и, медленно подойдя к столу, окинул всех спокойным и торжественным взглядом” (Лермонтов 1990: 581).

4. Косвенный смысл мотива „гусара”

Главный герой *Фаталиста* служит офицером в неуказанном войсковом подразделении. Несмотря на отсутствие всякого прямого упоминания о гусарском полке, можно предположить, на основании автобиографического опыта самого автора, что Вулич служит офицером в гусарском полке русской армии. Молодой Лермонтов поступил унтер-офицером в лейб-гвардию гусарского полка в 1832 году в Царском Селе; после первой высылки на Кавказ, поэт был переведён в Гродненский гусарский полк под Новгородом.¹⁷ Сербов в гусарских полках было немало. Итак, подтекстовый мотив „гусара” с одной стороны связывается персонажем Вуличем с жизненным опытом Лермонтова, с другой стороны - с историко-культурным контекстом.¹⁸

Часто образ гусара повторяется в лермонтовских стихотворениях, в частности в произведении *Гусар* (1832-1834). Там внешнее описание главного героя напоминает о знаменитом портрете самого поэта, написанном П.Е. Зоболотским в 1837 году, в то время как внутреннее описание, с упоминанием о судьбе и об одиночестве, вызванном непониманием

17 „Жизнь поэта в 1835-1836 годах отражена в мемуарах, рисующих колоритные картины гусарского быта” (Вацура, Гей, Елизаветина и др. 1989).

18 Известно участие сербских гусарских полков в многочисленных военных подвигах характеризующих историю Российской империи, с периода Семилетней войны (1756-1763 гг.) до компании Наполеона (1812), в частности, в Бородинской битве.

товарищей по оружию, наводит на мысль о коротком земном пребывании и загадочном внутреннем портрете Вулича: „Пускай судьба тебя голубит/И страсть безумная смешит;/Но и тебя никто не любит,/Никто тобой не дорожит”.

5. Образ серба у Ламартина и Лермонтова

Вобщем представление офицера Вулича - авторское проектирование - в какой-то степени соответствует описанию сербского народа в одепорическом отчёте Альфонса Ламартина, опубликованном под названием *Заметки о Сербии* (*NotessurlaServie*) в 1835г., в знаменитом произведении *Путешествие в Восток* (*VoyageenOrient*). Ламартин считает сербов новым, свободным народом, за нарождающуюся независимость которого хотелось бы с ним воевать и даже жить.¹⁹ Французский поэт дает яркое изображение сербских мужчин, которые живут в той же самой квартире, где поселился он: каждый из них выглядит гордым и довольным восхищением, им показанном французскими гостями. Их взгляд был живым, их лоб краснел от переживания за родину, как будто слава и свобода всех была гордостью каждого.²⁰ Одетые в полувосточный костюм, они имели мужское и мягкое лицо воинственных народов и спокойно рассказывали о подвигах, в которых они принимали участие. Автор *Заметок о Сербии* надолго останавливает внимание на муже красивой сербки, у которой он сам живёт вместе с остальными французскими путешественниками. Он подчёркивает изящество его поведения: он приветствовал иностранных гостей с уважением и, в то же время, с природным благородством манер, свойственным диким народам.²¹ Вулич тоже отличается особой породистостью, выражающейся медленностью движений и силой взгляда. Вспомним первое появление этого персонажа: „В это время один офицер, сидевший в углу комнаты, стал и, медленно подойдя к столу, окинул всех спокойным и торжественным взглядом” (Лермонтов 1990: 581). Внешняя изысканность соответствует внутреннему превосходству, которое его приговаривает к одиночеству и отчужденности: „всё это будто согласовалось для того, чтобы придать ему вид существа особенного, не способного делиться мыслями и страстями с теми, которых судьба дала ему в товарищи” (Лермонтов 1990: 581). Вулич является своего рода литературным развитием образа серба, описанного Ламартином; он загадочный представитель того „дикого народа”, о котором писал с романтическим восхвалением французский поэт. Тем не менее, из первоначальной природы своего народа, он сохранил

19 „ Un peuple neuf et libre [...] on aimerait à vivre et à combattre avec lui pour son indépendance naissante” (Lamartine 1913: 261).

20 „Chacun de ces hommes [...] avait l'air fier et heureux de l'admiration que nous témoignions nous-mêmes; leur oeil était animé, leur front rougissait d'émotion pour leur patrie, comme si la gloire et la liberté de tous avaient été l'orgueil de chacun”. (Lamartine 1913: 261).

21 „A ce moment, le mari de la belle Serbienne chez qui nous étions logés rentra des champs, s'approcha de nous, nous salua avec le respect et en même temps avec cette noblesse de maniere naturelle aux peuples sauvages”. (Lamartine 1913: 262).

склонность к самопожертвованию для защиты и спасения родины, не обязательно своей: понятие „родины” прочно засело в его совести, и он со смелостью и неустанностью воюет против кавказских мятежников. Об этом свидетельствует небольшой эпизод, где автор рассказывает о прошлом главного героя: мы узнаём, что „Вулич бросился вперед, увлек за собою солдат и до самого конца дела прехладнокровно перестеливался с чеченцами.” (Лермонтов 1990: 582). Но главный герой повести *Фаталист* показывает и другие особенности характера, определяющие его своеобразную личность. Он воздерживается от алкоголя – „вина почти вовсе не пил” (Лермонтов 1990: 582) – и твёрдо отказывается от каких-нибудь любовных связей, несмотря на всеобщее восхищение, которое питают к нему женщины: „за молодыми казачками, – которых прелесть трудно постигнуть, не видав их, – он никогда не волочился. Говорили, однако, что жена полковника была равнодушна к его выразительным глазам; но он не шутя сердился, когда об этом намекали” (Лермонтов 1990: 581). От Ламартинского изображения гордой мужской части сербского народа, Вулич отличается своим особым светским, аскетизмом. Лермонтов настаивает на ненадёжной видимости поведения Вулича, косвенно намекая на непроницаемую реальность этого персонажа. За исключение одной, но неисправимой слабости, он похож на война-отшельника. Но слабость такая имеет особый, даже злополучный оттенок, что, с одной стороны придает самому Вуличу нелогичную и саморазрушительную, волю, тесно связываясь, с другой стороны с его судьбой: „Была только одна страсть, которой он не таил: страсть к игре. За зелёным столом он забывал все и обыкновенно проигрывал; но постоянные неудачи только раздражали его упрямство” (Лермонтов 1990: 581). Итак мотив игры имеет здесь ключевое значение. Требуя от игрока не только безумного упорства, но и полной причастности благодаря своей непредусмотренности, азартная игра становится метафорой судьбы Вулича. Именно своими постоянными проигрышами Вулич научился противостоять судьбе, в то же время убеждая себя в её непобедимости. Посредством порицаемого обществом порока, главный герой – образ лермонтовского серба – достиг высшей мудрости, то есть признания фатальности судьбы и невозможности её избежать. В момент, когда Вулич решает конкретно доказать офицерам закон предопределения, он ведёт себя как игрок за зелёным столом и испытывает судьбу, призывая своих свидетелей держать пари на порядочную сумму денег: – „Господа! – сказал он медленно, освобождая свои руки, – кому угодно заплатить за меня двадцать червонцев?” (Лермонтов 1990: 582). А после выстрела, как опытный азартный игрок, он принимает выигрыш – один из редких выигрышей, которых он получил а также последний – без всякого смущения: „Вулич преспокойно пересыпал в свой кошелек мои червонцы” (Лермонтов 1990: 584). Действительно, Вулич не боится ни врагов, ни опасности, ни смерти: он обладает умением принимать свою судьбу, без рабской покорности, а с гордой воинственностью, в соответствии с восточным, но и славянским,

мировоззрением. По сравнению с ламартинскими сербами, охарактеризованными прямыми, явными чертами, относящимися к плану внешних характеристик героя, лермонтовский серб характеризуется внутренней сложностью. Оба образа происходят из романтического мировоззрения: общая чувствительность сближает двух поэтов, тем не менее, придавая каждому из них особые средства восприятия, соответствующие отдельному личному опыту и внутреннему миру.

К подобному выводу приводит общее замечание о политико-историческом взгляде на положение сербского народа у двух авторов. Альфонс де Ламартин, будучи дипломатом, политическим деятелем и историком, с интересом следит за событиями, касающимися изменений и подрывов в Европе, особенно в восточной части континента. В своих *Замечаниях о Сербии* он даже обрисовывает будущую обстановку в странах и регионах Восточной Европы, высказывая смелые предположения. Если сербский народ, по своим желаниям и надеждам, посредством соединения с Боснией, частью Болгарии и черногорскими воинственными ордами, станет ядром новой славянской империи, то из турецких руин восстанет новое государство, занимающее обширные и красивые районы между Дунаем, Адриатическим морем и высокими Балканами.²² У Лермонтова такое, романтическое, эмоциональное вовлечение в стремление к самоопределению народов отсутствует. В повести *Фаталист* не только мы не найдём никакого упоминания о сербском вопросе, более того с историко-политической точки зрения, автор поместил самого главного героя в контекст Российской империи, так как Вулич воюет с кавказскими горцами за защиту целостности территории. Сербской натуре Лермонтов предоставляет внутренние особые качества, благодаря которым серб по происхождению, „как видно было из его имени” (Лермонтов 1990: 581) отличается от остальных, русских, офицеров.

Ламартин задерживается на подробном описании сербского пейзажа и отмечает, что в Сербии деревья и люди тесно дружатся.²³ Он ценит литературно-фольклорное богатство этого народа, возлагающего историческое повествование на народное стихотворное творчество, как все первые летописи героических народов.²⁴ Ещё в своем раннем творчестве Лермонтов проявлял заметный интерес к фольклорному наследию народов, следуя за европейскими тенденциями того времени (Вацуро 2008). Он интересовался русским, кавказским и восточным фольклорным

22 „Si ce peuple, comme il le désire et l'espère, devient le noyau d'un nouvel empire slave par la réunion avec la Bosnie, une partie de la Bulgarie et les hordes belliqueuses des Monténégrins, l'Europe verra un nouvel État surgir des ruines de la Turquie et couvrir ces vastes et belles régions qui règnent entre le Danube, l'Adriatique et les hauts Balkans”(Lamartine 1913: 266-267).

23 Общая информация об истории Сербии взята из более раннего отчёта, написанного французским путешественником Адольфом де Караман, который в своём произведении приводит историю сербов, сочинённую неназванным сербским автором и переведённую на французский язык (Lamartine 1913: 267).

24 „L'histoire de ce peuple n'est écrite qu'en vers populaires, comme toutes les premières histoires de peuples héroïques”(Lamartine 1913: 262).

творчеством, как свидетельствует значительная часть его поэтических и драматических произведений, но на сербском народном наследии он не задерживался.

Ламартинское произведение *Путешествие на Восток* не было переведено на русский язык, тем не менее важно заметить, что в двадцатых и тридцатых годах девятнадцатого века творчество Ламартина в России пользовалось широкой популярностью, и сам Лермонтов придавал существенное значение произведениям и поэтическому восприятию мира романтического французского поэта. (Гаспаров 2001).²⁵ Легко предположить, что Лермонтов одепорического отчёта Ламартина не читал, тем не менее в их представлениях о сербском народе проявляется гармоничное восприятие. Оба поэта указывают на характерные черты представителей сербского народа: тайное очарование, мужество, стремление к вызовам, внутреннюю свободу и соответствующую способность смиренного принятия судьбы. Оба поэта питают к ним одинаковые чувства: переживание за их положение и отождествление хотя бы с частью их натуры.

Литература

- Афанасьева 2011: Е. Афанасьева, Поэтика цикла А.С.Пушкина «Песни западных славян» (к проблеме онтологии имени), *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, вып.6 (2). с.35-39 <http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2011_6/6.pdf> 28.05.2018
- Белинский 1979: В. Белинский, *Собрание сочинений в девяти томах*, т.5 Статьи, рецензии и заметки, апрель 1842-ноябрь 1843, Москва: Художественная литература.
- Белинский 1988: В. Белинский, *Взгляд на русскую литературу*, Москва: Современник
- Беляева 1984: Ю.Беляева, Сербские мотивы в русской литературе (А.Ф.Вельтман и В.А.Гиляровский), *Балканские исследования. Вопросы социальной, политической и культурной истории юго-восточной Европы*, Москва: Наука
- Вацуру 2008: В. Вацуру, *Лермонтов и фольклор*, О Лермонтове, Москва: Новое издательство, сс 105-144.
- Вацуру, Гей, Елизаветина и др. 1989: В. Вацуру, Н.Гей, И. Елизаветина, *Лермонтов в воспоминаниях современников*, Москва: Художественная литература, 1989

²⁵ Лермонтов не только читал и декламировал Ламартина (Вацуру, Гей, Елизаветина и др. 1989), но не раз в молодости он черпал вдохновение в ламартинских произведениях: об этом свидетельствует его известное стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива», оказывающееся парафраз ламартинских стихов *Крик души* (*Le cri de l'âme*) (Гаспаров 2001). А ламартинское стихотворение *Падение ангела* (1838) среди других поэтических произведений разных русских и западно-европейских авторов является источником, хотя не прямым, для поэмы *Демон*. Кроме того, Ламартин являлся одним из западно-европейских поэтов, благодаря которым Лермонтов познакомился с произведениями Байрона (Эйхенваум 1924)

- Гаспаров 2001: М. Гаспаров, *Когда волнуется желтеющая нива. Лермонтов и Ламартин* О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики, Санкт-Петербург: Азбука, 2001, сс.43-55)
- Кастяшов 2015: Ю.В.Кастяшов, *Сербы глазами русских в конце XVII –XIX веков*, в Слово.ру: Балтийский акцент, 2015, т.6, 2-3, сс.87-96, 13.07.2018
- Крутова 2014: М Крутова, Рукописные источники о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова, *Библиотеко-ведение*, н.4, с.65-70
- Лермонтов 1990: М.Лермонтов, *Сочинения в двух томах*, т.2, Москва: Правда
- Лермонтов 2014а: М. Лермонтов, Полное собрание сочинений в четырёх томах, т.1, *Стихотворения 1828-1841*, Санкт-Петербург: Издательство Пушкинского дома.
- Лермонтов 2014б: М. Лермонтов, Полное собрание сочинений в четырёх томах, т.2, *Поэмы 1828-1841*, Санкт-Петербург: Издательство Пушкинского дома.
- Лотман 1985: Ю.Лотман, Проблема востока и запада в творчестве позднего Лермонтова, *Лермонтовский сборник*, Ленинград: Наука, с.5-22.
- Мароши 2012: В.Мароши, «Сербский» и «Кавказский» тексты русской литературы: мотивы, тропы и архетипичность персонажей, *Критика и семиотика*, вып.16, с.298-307.
- Эйхенбаум 1924: В. Эйхенбаум, *Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки*, Ленинград: Государственное издательство, <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/eich24/eich24.htm?cmd=p> поэтов, 10.07.2018
- Lamartine: A. de Lamartine, *Voyage en Orient*, Paris, Hachette, 1913, <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k373600z.texteImage> 20.07.2018

Giulia Baselica

THE IMAGE OF THE SERB IN LERMONTOV'S WORKS: VULICH OR THE FATALIST HERO?

Summary

The article aims at canvassing the perception the reader gets of the Serbian culture in Lermontov's novel "A hero of our time". The last chapter, The Fatalist, stands out as an autonomous narration in which Vulich, a young and captivating Serbian officer sent to Caucasus to join the Russian Army and fight the rebels, is silhouetted.

Vulich is the first Serbian prominent figure in Russian literature and is given well-defined romantic connotations. In his heralding a culture that, as far as Russia is concerned, is at a time South and East, he represents exoticism well. He is the voice, though indirect, of the Serbian tradition and eventually the expression and eulogy of one's ego.

Vulich, the Serb, turns out to be an internal dialogic element of the Russian culture, silent interlocutor of a universal afflatus, revelation of one of its souls as well as the juxtaposition of doom and fatalism.

Key words: the Serb, Russian literature, Lermontov

Примљен: 27. јул 2018. године
Прихваћен: 11. март 2019. године